

УДК 343.13

**ВНОВЬ О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЯХ
(В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА
ОДНОЙ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ).
Часть вторая**

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе ранее высказанных в научных публикациях автора позиций о сущности категории «сведущие лица» анализируются изложенные в докторской диссертации Е. П. Гришиной концептуальные подходы к базовым аспектам уголовно-процессуального учения о специальных познаниях. Автор приходит к выводу об ошибочности оценки этим ученым некоторых исторических фактов использования специальных познаний, критикует понимание как судебной экспертизы случаев участия сведущих лиц в юридических процессах XIV в. При анализе дефиниции сведущих лиц, разработанной Е. П. Гришиной, автор обращает внимание на недопустимость выделения психологов, врачей и педагогов в качестве самостоятельных участников уголовного процесса. Обосновывается, что данные сведущие лица выступают частными случаями участия в уголовно-процессуальном доказывании специалистов. Аргументируется, что категория «сведущие лица» в силу своей природы является универсальным термином, имеющим широкое значение и не ограничивающимся распространением исключительно на уголовно-процессуальные отношения.

Ключевые слова: специальные познания, сведущие лица, категориальный аппарат, специалист, учение о специальных познаниях, правовой институт специалиста, правовой институт судебной экспертизы

Для цитирования: Зайцева Е. А. Вновь о специальных познаниях (в контексте анализа одной докторской диссертации). Часть вторая // Судебная экспертиза. 2025. № 4 (84). С. 110–119.

**AGAIN ON SPECIAL KNOWLEDGE
(IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF ONE DOCTORAL THESIS).
Part two**

Elena Alexandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitceva-expert@rambler.ru

© Зайцева Е. А., 2025

Abstract. Based on the positions previously expressed in the author's scientific publications about the essence of the category of "knowledgeable persons", the article analyzes the conceptual approaches to the basic aspects of the criminal procedural doctrine of special knowledge outlined in the doctoral dissertation of E. P. Grishina. The author examines some misconceptions about the assessment of this scientist of the historical facts of the use of special knowledge, criticizes the understanding as a forensic examination of cases of participation of knowledgeable persons in the legal processes of the XIV century. When analyzing the definition of knowledgeable persons developed by E. P. Grishina, the author draws attention to the inadmissibility of singling out psychologists, doctors and teachers as independent participants in the criminal process. It is proved that these knowledgeable persons act as special cases of participation in the criminal procedural proving of specialists. It is argued that the category of "knowledgeable persons", by its very nature, is a universal term with a broad meaning and is not limited to extending exclusively to criminal procedural relations.

Keywords: special knowledge, knowledgeable persons, categorical apparatus, specialist, the doctrine of special knowledge, the legal institute of a specialist, the legal institute of forensic examination

For citation: Zaitseva E. A. Again on special knowledge (in the context of analysis of one doctoral thesis). Part two. Forensic Examination, 110–119, 2025. (In Russ.).

Любое уголовно-процессуальное учение (в том числе учение о специальных познаниях) в основе своей имеет, прежде всего, категориальный аппарат, который передает глубинные смыслы этого учения, очерчивая его предмет, понимание затрагиваемых им проблем. Вместе с тем многие термины, которыми оперируют исследователи в рамках учений, за пределами соответствующих теоретических конструктов могут иметь несколько иное звучание, отличное от специфической среды, обусловленной содержанием того или иного уголовно-процессуального учения. С учетом изложенного, во второй части¹ нашего критического анализа диссертационного исследования Е. П. Гришиной «Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства» [1] мы продолжим анализировать вклад данной работы в развитие учения о специальных познаниях и, прежде всего, в совершенствование его категориального аппарата. Предыдущий наш материал касался интерпретации Е. П. Гришиной такого базового термина, как «специальные познания».

В данной статье мы хотели бы порассуждать о категории «сведущие лица» («сведущие люди»), которая традиционно «идет в паре» с категорией «специальные познания», ибо последние существуют как правовой феномен благодаря тем самым сведущим лицам, выступающим «носителями» и непосредственными «применителями» специальных познаний.

Сразу подчеркнем неоченимый вклад в развитие представлений о сведущих лицах трудов В. Н. Махова, который не только глубоко исследовал генезис ука-

¹ Первая часть была презентована научному сообществу в предыдущем – третьем номере данного журнала за 2025 г.

занной категории, но и привел убедительные доводы в пользу нормативной реабилитации [2, с. 5] «забытого» законодателем исконно русского термина, характеризующего национальную самобытность правового института специальных познаний в отечественном уголовном процессе.

Конечно, можно рассуждать об этом термине как определенном архаизме, современным аналогом которого выступает альтернатива в виде «компетентных лиц». Однако ввиду широты категории «компетентные лица», которая в юриспруденции нередко ассоциируется с властными субъектами и «компетентными органами», специфика бытия этого термина в контексте института специальных знаний утрачивается. Именно поэтому видится логичным использовать, казалось бы, словесный реликт «сведущие лица» для **отграничения от иных участников процесса** категории особых субъектов правоотношений, наделенных специальными познаниями. Этот термин высвечивает уникальность обладателей специальных знаний в уголовном процессе, подчеркивая, что они *ведуют* (знают) нечто, что необходимо правоприменителям в их юрисдикционной деятельности.

Не обошла вниманием проблематику сведущих лиц в своем диссертационном исследовании и Е. П. Гришина. Она провела исторический анализ появления и становления практики использования данного термина в отечественных законодательных актах дореволюционного и постреволюционного периодов. В то же время автору не удалось избежать традиционной ошибки в оценке фактов участия сведущих людей в различного рода юридических процессах того времени. Так, на с. 156 она указывает: «...один из первых достоверно известных случаев производства *судебно-медицинской экспертизы* (здесь и далее курсив наш. – Е. З.) на Руси относится к 1535 г., его целью было освидетельствование удельного князя Андрея *Ставицкого* на предмет наличия у него притворной болезни» [1, с. 156]. Прежде всего отметим, что фамилия князя Андрея Ивановича была *Старицкий*. Далее, *судебно-медицинской экспертизой* его обследование именовать нельзя по следующим причинам: во-первых, уровень развития медицинских и криминалистических познаний того времени не предусматривал какой-либо методики проведения подобных исследований (помним, что наличие научно обоснованной методики – неперемный атрибут судебной экспертизы); во-вторых, отсутствовала нормативная регламентация исследовательской деятельности как самостоятельный правовой институт; в-третьих, сам термин «экспертиза» еще не употреблялся применительно к подобной деятельности; в-четвертых, в этой ситуации нельзя говорить и о процессуальном аспекте такого «освидетельствования», так как законодательных актов, содержащих правила его производства, тогда еще не было.

Подобным образом (ошибочным по всем параметрам) оценивать указанный исторический факт в специализированном исследовании докторского уровня – вещь непростительная. Как и непростительно утверждать, что «Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. закреплял право местных судов руководствоваться действовавшими до революции законами, в частности *ст. 14 допускала использование заключения сведущих лиц*» [1, с. 165]. Однако при обращении непо-

средственно к тексту указанного законодательного акта¹ можно обнаружить, что в этом документе **только 8 статей**. И о сведущих лицах там ничего не говорится.

Параллельно с анализом развития института специальных знаний Е. П. Гришина настойчиво, в унисон с названием своего труда, проводит мысль о внедрении частных начал в процесс применения этих знаний – в противовес довлеющему в этот период государственному началу [1, с. 155]. «С середины XVIII в. по просьбе судебных и следственных органов исследование „спорных“ документов проводилось М. В. Ломоносовым в Императорской академии наук. На деле подобное означало, что для участия в судопроизводстве стали привлекаться выдающиеся представители отечественной научной мысли, что, в свою очередь, предопределило перспективы дальнейшего совершенствования института специальных познаний, его адаптации к нуждам отечественного уголовного процесса, который, при доминировании публичного, испытывал потребность в обращении и к частному началу» [1, с. 158]. В приведенных цитатах трудно обнаружить аргументы, подтверждающие, что привлечение государственными органами сведущих лиц отражает тенденцию «обращения к частному началу». Такой вывод был бы очевидным, если бы инициатива вовлечения в уголовно-процессуальные отношения сведущих лиц исходила бы от частных участников уголовного процесса, а не от властных субъектов.

Далее, вызывает настороженность оценка этим автором УПК РСФСР 1960 г.², данная в негативной коннотации: «*Серьезным недостатком УПК РСФСР было отсутствие специализированных норм, закрепляющих правовое положение эксперта и специалиста, что создавало серьезные проблемы для правоприменительной деятельности, поскольку права, обязанности и ответственность этих лиц „искусственно“ выводились из содержания других норм УПК РСФСР*» [1, с. 167–168].

Здесь необходимо подчеркнуть, что уже в первоначальной редакции указанного акта содержалась ст. 82 «Обязанности и права эксперта», ч. 1 которой включала регламентацию обязанностей эксперта³, а ч. 2 закрепляла три основных права судебного эксперта: «1) знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы; 2) заявлять ходатайство о представлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения; 3) с разрешения лица, производящего дознание, следователя, прокурора или суда присутствовать при производстве допросов и других следственных и судебных действий и задавать допрашиваемым вопросы, относящиеся к предмету экспертизы». Ответственность эксперта была предусмотрена в ч. 3 данной статьи в отсылочном варианте – с указанием ст. 73 УПК РСФСР (она прописывала ответственность свидетеля), которая включала в себя два вида уголовной ответственности. Кроме того, законом была предусмотрена отдельная статья, содержащая

¹ См.: О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² См.: Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. 592 с.

³ А это обстоятельство мы склонны оценивать исключительно как достоинство УПК РСФСР, в нормах которого, в отличие от ныне действующего УПК РФ, четко фиксировались обязанности участников уголовного процесса.

основания для отвода эксперта (ст. 67), что в комплексе с нормативной фиксацией прав и обязанностей свидетельствует о четко очерченном процессуальном положении эксперта в УПК РСФСР 1960 г.

Как видим, тезис Е. П. Гришиной о «*серьезных недостатках*» данного кодекса в части закрепления статуса сведущего лица – эксперта – не выдерживает критики. То обстоятельство, что «география» размещения статусной нормы об эксперте не совпадает с гл. 3 «Участники процесса, их права и обязанности», не является основанием для вывода об «*отсутствии специализированных норм, закрепляющих правовое положение эксперта*». В упомянутой главе по большей части были сосредоточены нормы о лицах, имеющих в уголовном деле собственный или представляемый интерес. По какой-то случайности в нее была включена норма о переводчике (ст. 57 УПК РСФСР), возможно, по аналогии с нормами о защитнике – как о лице, способствующем реализации прав участников процесса. Нормы же об эксперте оказались «одним пакетом» введены в гл. 5 «Доказательства» со статьями, регулирующими судебную экспертизу (ст. 78–82), что, в принципе, не лишено определенной законодательной логики.

Что касается статуса специалиста, то относительно *первой редакции* УПК РСФСР 1960 г. высказывание Е. П. Гришиной можно признать справедливым: в кодексе только четыре раза упоминался специалист без детализации его статуса, причем один раз – в ст. 78 – этот термин употреблен не в смысле процессуального положения сведущего лица, а для описания достаточного уровня компетентности субъекта, назначаемого в качестве эксперта, если это лицо не является сотрудником экспертного учреждения.

Но такая ситуация (нормативной пробельности) в части регламентации статуса данного сведущего лица просуществовала недолго: 31 августа 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в кодекс были введены четыре новые статьи 66.1, 133.1, 253.1, 275.1, содержащие права, обязанности и ответственность специалиста, были внесены коррективы в 17 статей, регулирующих участие этого сведущего лица в процессуальных действиях, осуществляемых как в досудебном, так и судебном производстве. В результате комплексного закрепления данных предписаний статус специалиста получил вполне четкие законодательные контуры, что позволило констатировать **нормативное обособление** в системе уголовно-процессуального права **института специалиста и института судебной экспертизы**, которые теперь имели собственные предметы правового регулирования, выступая составными частями более крупной нормативной общности – «макроинститута»¹ специальных познаний. Так что первоначальный недостаток УПК РСФСР 1960 г. был полностью нивелирован благодаря активности законодателя, что, кстати, не было отмечено в диссертационном исследовании Е. П. Гришиной.

¹ Справедливости ради стоит подчеркнуть, что впервые на масштаб этого нормативного образования, превосходящий традиционные границы и представления о правовом институте, обратила внимание Н. А. Раимжанова [3] на публичной защите своей диссертации в 2015 г., характеризуя институт специальных познаний как «мегаинститут». В дальнейшем, в 2021 г., О. Г. Дьяконова обосновала тезис, что данную нормативную общность следует именовать «макроинститутом» [4, с. 14].

Проведя анализ истории возникновения и развития института специальных познаний, нормативных предписаний, регулирующих процессуальное положение лиц, обладающих этими познаниями, Е. П. Гришина констатировала «необходимость введения в научный тезаурус понятия сведущего лица» и предложила понятие сведущего лица: это «лицо, обладающее специальными познаниями в силу избранной профессии, образования или занятия традиционными видами ремесла, промысла, не заинтересованное в исходе дела и привлеченное следователем, дознавателем, судом непосредственно или по инициативе сторон для участия в производстве по уголовному делу в установленных законом формах» [1, с. 175].

В данном определении обращает на себя внимание ряд дискуссионных аспектов.

Во-первых, несмотря на то что автор указанной дефиниции признает сведущими лицами «эксперта, специалиста, педагога, психолога, *переводчика*, врача, сведущего свидетеля» [1, с. 175], именно для переводчика перечень способов приобретения специальных знаний, обозначенный в приведенном тексте («в силу избранной профессии, образования или занятия традиционными видами ремесла, промысла») является неполным. Не стоит забывать, что навыки перевода могут быть получены лицом в ходе обычной жизни в билингвальной семье. Кроме того, специальные познания специалиста, востребованные для целей доказывания, также могут быть обретены не «профессиональным» и «образовательным» путем, а в ходе занятия спортом или хобби.

Во-вторых, рассуждая о «необходимости введения в научный тезаурус понятия сведущего лица», данный автор не конкретизирует, с какой целью предлагается указанное понятие. В качестве собирательного термина, обозначающего *участников уголовного судопроизводства*, обладающих специальными познаниями? Или *лиц, обладающих специальными познаниями и вовлеченных в юрисдикционную деятельность властных субъектов*? Содержательное наполнение категории «сведущие лица» для обоих случаев различно. Если речь идет об **участниках уголовного судопроизводства**, то **перечень сведущих лиц** в таком контексте должен быть **более компактным** и включать в себя: эксперта, специалиста (в том числе педагога, психолога, врача), переводчика и сведущего свидетеля (т. е. свидетеля, обладающего специальными познаниями, фигура которого выделяется не процессуально, а тактически – с учетом его профессиональной или иной специализированной осведомленности в предмете допроса).

Вместе с тем автор настоящей статьи продолжает отстаивать позицию, что педагог, психолог, врач – это суть разные «ипостаси» **специалиста**¹, которые выделены законодателем исключительно по профессиональному признаку для более качественного производства соответствующих следственных действий с их участием и надежного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (вспомним обозначенные Н. А. Раимжановой три критерия, обуславливающие необходимость и целесообразность использования

¹ Аналогичную позицию занимают в этом вопросе Е. А. Семенов, В. Ф. Васюков, А. Г. Волеводз [5, с. 141].

специальных знаний в уголовном процессе: технологический, процессуальный и правообеспечительный [3, с. 76]). Мы считаем необоснованным признавать педагога, психолога и врача отдельными процессуальными фигурами [6], иначе этот путь («клонирование» участников процесса по профессиональному признаку) приведет законодателя к тупиковой ситуации с вынужденным обособлением процессуальных статусов IT-специалистов, автотехников, операторов БПЛА и т. д. Все эти сведущие лица обладают **единым процессуальным функционалом, основанным на применении специальных познаний**, целевое предназначение их в доказывании одинаковое – **способствование правосудию**. А профессиональная принадлежность их не должна порождать новые процессуальные статусы, загромождавая уголовно-процессуальный кодекс лишними нормами. Здесь уместно вспомнить принцип экономии нормативного материала.

Далее, анализируя презентованное Е. П. Гришиной определение сведущих лиц, хотелось бы обратить внимание на его «зауженность» на проблематике участников уголовного судопроизводства, что **явно принижает масштаб данного термина**, обращенного своим содержанием не только к уголовно-процессуальным отношениям, но и к иным видам юрисдикционной деятельности. И здесь весьма уместно вспомнить подход к этому термину Ю. К. Орлова [7, с. 36], который внес существенный вклад в развитие учения о специальных познаниях и совершенствование его категориального аппарата.

В одной из бесед с Ю. К. Орловым автор настоящей статьи обсуждал соотношение категорий «сведущие лица» и «специалист» применительно к проблематике уголовного процесса. Юрий Кузьмич акцентировал внимание на сфере употребления этих терминов – исходя из признака нормативного закрепления: так как статус специалиста регламентирован нормами закона (в нашем случае – Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ)), то указанным термином можно оперировать исключительно в узком (нормативно конкретизированном) смысле – для обозначения субъекта, участвующего в следственных и иных процессуальных действиях или дающего заключение (письменную консультацию), как это зафиксировано в УПК РФ в нормах, упоминающих специалиста [8]. Границы узкого употребления термина «специалист» задаются законодателем, который, упоминая эту процессуальную фигуру, подразумевает под этим субъекта правоотношений, реализующего статус, закрепленный в ст. 57 УПК РФ. Вне рамок этого статуса, при вступлении компетентного лица в правоотношения иной отраслевой принадлежности, говорить о специалисте некорректно.

Именно по этой причине Ю. К. Орлов вполне убедительно резюмировал, что для иных целей (в широком значении) можно употреблять только термин «сведущие лица». Эта категория являет собой специфическое собирательное понятие, которое распространяется не только на все случаи вовлечения в доказывание компетентных лиц на любых стадиях уголовного судопроизводства, но и охватывает ситуации, не регламентируемые нормами УПК РФ. **Эта категория универсальна, в силу чего она приобретает межотраслевое значение**. По сути, сведущим лицом является и ревизор, и аудитор, и налоговый инспектор, и сотрудник экспертного подразделения, проводящий предварительное

исследование в рамках оперативно-разыскной деятельности, и сотрудник бюро судебной медицины, исследующий труп или «снимающий побои»¹. Все эти обладатели специальных познаний реализуют эти познания за рамками уголовно-процессуальных отношений. Но они, в силу их компетентности, не будучи специалистами в процессуальном смысле, являются таковыми в «житейско-бытовом» смысле, т. е. являются «сведущими людьми». К этой группе лиц может быть отнесен и потенциальный эксперт, фигура которого обсуждается в связи с принятием решения о назначении судебной экспертизы и выбором для этих целей конкретного эксперта, и компетентное лицо, к которому обратился за консультационной помощью специалист и которое еще не признано специалистом в этом конкретном деле (не забываем, что процессуальным статусом лицо, способствующее правосудию, в конечном счете наделяет властный субъект, осуществляющий производство по уголовному делу, даже если защитник заключил с потенциальным специалистом договор возмездного оказания услуг).

Поэтому полагаем, что Е. П. Гришина должна была четко очертить границы использования категории «сведущие лица», коль она ратует за ее введение в «научный тезаурус». Вопрос об этих границах возникает и в связи с оценкой перечня субъектов, предложенных ею в качестве инициаторов привлечения сведущих лиц в уголовно-процессуальное доказывание. Ею указаны только следователь, дознаватель и суд (непосредственно или по инициативе сторон). Но мы помним, что доказывание в уголовном судопроизводстве реализуется и на стадии возбуждения уголовного дела, где в качестве субъектов проверки сообщения о преступлении законодатель упоминает также **орган дознания** и **руководителя следственного органа**, которые в силу положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ вправе привлекать к проверочным мероприятиям *специалистов* (хотя корректнее здесь было бы упомянуть именно категорию «сведущие лица» – с учетом аргументации нашей позиции в отношении ревизоров, аудиторов, сотрудников экспертных подразделений, бюро судебно-медицинской экспертизы и других компетентных лиц, вовлеченных в проверочные действия и реализующих не процессуальные статусы, а статусы участников административных отношений по большей части).

Как видим, на основе предпринятого анализа предложенной Е. П. Гришиной дефиниции «сведущие лица» возникает значительное число вопросов относительно содержания и правовой природы данной категории, что актуализирует развитие дальнейшей научной дискуссии относительно этого базового компонента категориального аппарата учения о специальных познаниях.

Продолжение следует.

¹ Следует учитывать, что **простое упоминание** в тексте УПК РФ ревизий, исследований трупов **нельзя считать уголовно-процессуальной регламентацией** этих проверочных мероприятий, которые получают свое четкое нормативное регулирование в иных законодательных актах и не утрачивают из-за этого упоминания своей **иной отраслевой принадлежности**.

Список источников

1. Гришина Е. П. Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 481 с.
2. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. Москва: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
3. Раимжанова Н. А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 263 с.
4. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 647 с.
5. Семенов Е. А., Васюков В. Ф., Волеводз А. Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография / под ред. А. Г. Волеводза. Москва: МГИМО – Университет, 2020. 227 с.
6. Зайцева Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 5–18.
7. Орлов Ю. К. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 36–37.
8. Зайцева Е. А. Научное наследие Ю. К. Орлова и категориальный аппарат учения о сведущих лицах // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Юрия Кузьмича Орлова (Москва, 19–20 января 2017 г.). Москва: Проспект, 2017. С. 149–153.

References

1. Grishina E. P. The concept of using special knowledge in the context of the implementation of public and private principles of Russian criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Yekaterinburg; 2024: 481. (In Russ.).
2. Makhov V. N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes. A monograph. Moscow: RUDN Publishing House; 2000: 296. (In Russ.).
3. Raimzhanova N. A. Normative regulation of the use of special knowledge in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2015: 263. (In Russ.).
4. Dyakonova O. G. Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU Member States: theory and practice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2021: 647. (In Russ.).
5. Semenov E. A., Vasyukov V. F., Volevodz A. G. The legal status and legal regulation of a specialist's participation in criminal proceedings: theoretical, procedural and organizational aspects. A monograph. Red. by A. G. Volevodz. Moscow: MGIMO University; 2020: 227. (In Russ.).
6. Zaitseva E. A. Controversial aspects of identification of the procedural status of a teacher and psychologist in criminal proceedings. Forensic Examination, 5–18, 2019. (In Russ.).

7. Orlov Yu. K. A specialist is a knowledgeable person who is not interested in the outcome of a case. *Russian justice*, 36–37, 2003. (In Russ.).

8. Zaitseva E. A. The scientific heritage of Yu. K. Orlov and the categorical apparatus of the doctrine of knowledgeable persons. In: *Theory and practice of forensic examination in modern conditions. Proceedings of the VI International scientific and practical conference dedicated to the memory of honored lawyer of the Russian Federation, doctor of law, professor Yuri Kuzmich Orlov, Moscow, 19–20 January, 2017. Moscow: Prospekt; 2017: 149–153.* (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Alexandrovna,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the Interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored worker of the higher school of the Russian Federation;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 14.11.2025.

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 14.11.2025.

* * *